

В. С. ЛЮБЛИНСКИЙ

К пониманию генезиса гражданского письма

В связи с повышенным интересом к проблемам межкультурных связей за последнее время внимание исследователей, как советских, так и иностранных, не раз обращалось к переломному периоду в истории России конца XVII—начала XVIII в. В частности, за короткий срок появились два новых исследования, посвященных изучению петровской реформы шрифта и алфавита, — наблюдения П. Н. Беркова (в его статье «Русская книга кирилловской печати конца XVII—первой четверти XVIII века», служащей введением к каталогу «Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г.». Л., 1958, стр. 11—13) и Леннарта Чьелберга — статья «Some notes on the origin of the graždanka» в журнале «Nordisk Tidskrift for Bok-och Biblioteksväsen» (Uppsala, 1958, стр. 81—90).

Построенные на разном материале и формулирующие выводы в несколько различных планах, обе работы совпадают в основном. Они обосновывают роль (едва ли не ведущую) греческого компонента среди факторов, приведших к смене кириллицы гражданской печатью.

Сами наблюдения обоих названных знатоков русской книги и рукописи данного периода очень ценны и вполне надежны. Действительно, примеров и аналогий собрано значительно больше, нежели когда-либо прежде; в плане чисто графическом многие сближения весьма наглядны и убедительны. Неоспоримо и то, что, обогащая в данном направлении наши знания о том печатном и каллиграфическом материале, который имелся перед художественным взором создателей нового алфавита, положения П. Н. Беркова и Л. Чьелберга конкретизируют реальную историческую действительность и позволяют отойти от упрощенческих представлений о механическом заимствовании форм букв только от западных образцов или даже о творческой переработке единственно только русской писцовой практики и синтезе ее опять-таки только с голландскими типографскими шрифтами.

Однако нам кажется, что за всем этим в обеих названных работах имеется слабое место и что в известной мере они не столько вскрывают суть проблемы, сколько уводят от нее.

Оба автора придают решающее значение графическому (в смысле художественного, стилистического) моменту («построению» буквы) и не уделяют должного внимания палеографической стороне вопроса (эволюции принципов написания). Это позволяет им делать основной упор на чисто формальное сходство, а не на общие закономерности развития письма, что уже априори может считаться методологически сомнительным.

Оба они строят свои взгляды на рассмотрении почти исключительно прописных букв (а Чьелберг даже преимущественно фигурных декоратив-

ных инициалов¹). Вопрос же о том, какая роль в становлении и преобразовании определенного письма принадлежит строчным буквам, даже не возникает.

Наконец, оба автора, давая ряд местных определений отдельных свойств кирилловского и гражданского шрифтов, совершенно не касаются основной характеристики типов письма, кардинальной с точки зрения палеографической эволюции.

Рассмотрим последовательно слабые стороны каждой из этих трех избранных авторами позиций.

Конечно, новые типографские шрифты создаются и создавались выдающимися графиками — резчиками пунсонов, а мастера эти изучали, осваивали и творчески преобразовывали лучшие эпиграфические, каллиграфические и декоративно-типографские образцы. Но ведь никому не придет на ум представление о «создании» гражданского шрифта «1708 г.» (или его модификации 1710 г.) как о творческом акте, ограниченном пределами словолитной (соответствующей типографской) действительности и обособленном от всей рукописной практики. А в этой последней, при всем выдающемся значении достижений, манер и учений определенных каллиграфов, не их² деятельностью формировалось общее направление развития письма, но широкой общественной практикой.

Сдвиги, вызываемые появлением новых материалов и инструментов письма, новых форм книги и документа, а в еще большей мере — изменением самого состава письменности и социального круга пишущих и читающих, эти сдвиги всегда, на любом этапе развития письма и книги, играли несравненно большую роль, нежели та стилистическая законченность, шаблонность или, наоборот, оригинальность, которую грамоте придавали искусные нотарии или странице книги — монастырские писцы.

Следовательно, при рассмотрении той или иной стадии развития письма надлежит принимать в соображение в первую очередь общие тенденции этого развития, доминирующий характер основной нормы письма, а не большую или меньшую степень стилистической законченности оформления документа или книги (а тем самым не последовательность или случайность, уместность или беспомощность в подражании тем или иным элементам орнаментации). Пока в отношении первой позиции ограничимся этим чисто принципиальным соображением.

Роль прописных букв в различных типах письма, естественно, была неодинаковой. Оставим пока в стороне совершенно по-новому ныне решаемый вопрос об их исторической очередности.³ Обратим сейчас внимание на то, что в любом виде капитального письма (а равно и в эпиграфике) никакого выделения прописных букв вообще нет, они еще не существуют как категория даже в тех, крайне редких при этом типе письма, случаях, когда имеется разделение слов или фраз; а в так называемом унциальном латинском письме их самостоятельность еще весьма относительна: отличаются они от строчных только размером, но отнюдь не рисунком. Лишь в письме миноускульном (и, разумеется, в некоторых курсивах) прописные буквы обособляются в отдельный разряд, имея вполне ощутимую (хотя и не до конца реализуемую) тенденцию к приобретению очертаний, от-

¹ На стр. 83 своей статьи автор это утверждение о том, что наиболее богат материал для сравнения в украинских изданиях, сопровождает оговоркой. «Правда, все это лишь прописные (It is true they are all capitals), но ведь как в церковнославянском, так и в гражданском алфавите прописные и строчные не особенно дифференцируются»

² То же относится и к граверам карт, титульных листов и т. п.

³ См. ниже, стр. 524

личных от очертаний своих строчных эквивалентов. Это обстоятельство присуще отнюдь не одному лишь латинскому письму, но проявляется и в греческом, а также в армянском и грузинском; прослеживается это нарастающее различие и в нашем ряду «устав—полуустав—скоропись—гражданское письмо».

К тому же, в книжном письме имеет место сочетание строчного почерка минускульного типа с прописными буквами капитального или унциального типа, используемыми в качестве инициалов или заголовков, а иногда и в декоративных целях. Явление это широко известно в ряде восточных «узорных» шрифтов, но для нашей цели достаточно сослаться на более доступные и наглядные примеры на пути становления европейского письма.

В VIII и IX в., т. е. в момент творческого становления и активного утверждения нового, так называемого «каролингского» мелкого минускульного письма (по новейшим данным — модификации позднеримских книжных минускулов), в качестве единого и всеобщего книжного почерка в заголовках, а также в инициалах почти сплошь применяются формы старого (отброшенного) унциального письма; а в наиболее торжественных рукописях целые начальные страницы по декоративным соображениям пишутся даже капитальным письмом. Три-четыре века спустя, при безраздельном господстве чисто готических («угловатых») форм почерка (минускульного с изломом) на всем протяжении текста книги, инициалы чаще всего имеют вид так называемых «ломбард», т. е. несколько стилизованных, но все же отчетливо «круглых» букв унциала. В наиболее типичном русском (и вообще славянском) книжном письме — полууставе — построение фигурных инициалов опять-таки несколько отличается от очертаний самого почерка текста, но еще ярче иные принципы построения буквы и строки сказываются в обличье вязи.

Здесь не место анализировать генетическую связь наиболее архаических элементов книжного письма с эпиграфикой, достаточно констатировать, что самая потребность в «выделительном шрифте» в полной мере сказывалась еще задолго до книгопечатания и приводила к органическому сосуществованию с характерным для данного периода письмом, эволюционирующим целенаправленно и прогрессивно, элементов иного письма, оставлявших большой простор для стилизации, но не подчиненных основной линии развития основного письма текста; элементы эти бытуют вне самого текста, в лучшем случае — в виде первой буквы главы или даже всей книги.

Не иначе обстоит дело и в первопечатных книгах. На Западе долго в книгах, набранных текстурой или фактурой (основные из многочисленных разновидностей так называемых готических шрифтов), вписывались от руки вполне унциальные «ломбарды», затем их стали впечатывать (красным) во всех литургических книгах и (обычным, черным) в светских. Когда же начали применять резные фигурные инициалы, их создатели сумели находить разнообразнейшие художественные решения, обеспечивавшие общее стилистическое единство с набором, но отнюдь не обязательно подчинявшие построение инициала построению букв набора. В тех случаях, когда при создании инициалов для шрифтов антиквы творцы этих инициалов вдохновлялись образцами древнеримской эпиграфики, автоматически и объективно получалась большая близость также между построением этих инициалов и построением прописных букв самого шрифта. Но лишь потому, что в типографской антикве, так же как и в ее прообразе — гуманистическом минускуле, вполне отчетливо и сознательно получила свое логическое завершение основная тенденция латинского минускула во-

обще — создавать для прописных букв формы, отличные от строчных букв, и притом путем усвоения «доминускульных» (точнее: неминускульных) форм: ср. **ABDEFGHLMNQRS⁴T**. Это обстоятельство сыграло тем большую роль в дальнейшем развитии, что первые выдающиеся теоретики построения шрифта — Пачиоли, Дюрер, Тори — преимущественно анализировали пропорции именно прописных букв, искали канон капитальных шрифтов римских надписей и совсем мало останавливались на очертаниях букв строчного письма или шрифта. Показательным для гетерогенности этих двух элементов в шрифте является то, что когда в первые годы XVI в. появились книги, печатанные вновь изобретенным наклонным шрифтом — курсивом (на базе канцелярских курсивов), то первоначально прописные к нему брались прямые, от этого впоследствии, еще в XVI в., отказались, но характерно, что с тех пор и до наших дней в курсивных шрифтах, как бы подражающих рукописным, прописные буквы (даже став наклонными) продолжают иметь как бы «печатные», т. е. на самом деле капитальные, неминускульные, формы. Что касается специально резных инициалов, то разнообразие и отклонения были достаточно велики даже в антикве, не говоря уже о готическом или греческом шрифте. Для антиквы этот разбой в инициалах продержался до общей стилистической реформы классицизма в оформлении книги, т. е. до второй половины XVIII в., когда фигурные инициалы были вообще отброшены и их заменили лишь в несколько большем кегле взятые прописные основной гарнитуры; косвенно это влияние классицизма сказалось и на оформлении книг других (готических, греческих, русских) шрифтов.

Жизнь русских и украинских инициалов XVI—XVII вв. еще недостаточно подвергалась специальному изучению, но не подлежат сомнению большое их разнообразие, сложные замыслы в их построении и самостоятельные пути развития при совершенно неизменной основе самого шрифта — полууставной кириллицы.

Что касается специально греческих типографских шрифтов XV и XVI вв. (а отчасти и позднейших, вплоть до середины XX в.), то их очертания, восходящие, как известно, к византийскому книжному минускулу (во многом не сходному с западным и включающему ряд черт, свойственных курсиву), особенно сложны, изобилуют узлами и петлями, лигатурными формами, выступающими за строку, и т. п.; в то же время благодаря всему этому четырехлинейность — основное преимущество и определяющий признак всякого рационального почерка и особенно типографского шрифта — в греческих шрифтах XV и XVI вв. была выражена чрезвычайно слабо. Тем самым предопределялось, что развитие инициалов должно пойти в них в графическом и стилистическом отрыве от характера самого шрифта. Инициалы греческих шрифтов и строились поэтому всецело на основе образцов капитального, точнее — древнего эпиграфического, письма, неоднократно примыкали к инициалам латинских типографских шрифтов. Этого, однако, безусловно недостаточно для введения термина «греческая антиква», предложенного П. Н. Берковым повторно на стр. 12 его работы; термин этот тем более внутренне противоречив и сбивчив, что самой сутью антиквы является не мера закругленности тех или иных букв (тем более, резных инициалов), но именно доведенный до совершенства принцип минускульного (четырёхлинейного) письма.

Сказанное здесь ничуть не опровергает наблюдений П. Н. Беркова и Л. Чьелберга о том, что в украинских и русских изданиях последней трети XVII в. все интенсивнее декоративные инициалы резались (или

⁴ Строчное s писалось чаще в форме длинного f

даже отливались) в подражание декоративным инициалам греческих шрифтов. Но все это отнюдь не раскрывает основной тенденции в развитии русского письма и типографского шрифта. Перестройка письма не есть механическая сумма новых очертаний отдельных букв, тем менее — декоративных инициалов, остающихся несходными с основным письмом (или шрифтом) текста. Она всегда итог исканий нового, более рационального (экономного, следовательно мелкого, следовательно четкого⁵) письма, подобно тому как (часто с нею связанная и одновременная) реформа орфографии не есть лишь узаконение упрощений, ставших обычными, но является шагом к большей доступности и универсальности письменного языка. Поэтому-то все крупные перестройки принципов письма исторически закономерны и объективно прогрессивны.

При этом общей тенденцией письма является не только переход от менее универсальных систем к системе звуковой и притом алфавитной, но и внутри этой последней — выработка такого графического оформления букв, которое бы позволяло наиболее легко писать и наиболее быстро читать написанное. В случае механического письма (набора или даже машинописи) первое требование практически теряет свое значение, но второе его полностью сохраняет, причем в тем большей мере, чем к более широкому кругу читателей обращается произведение печати по сравнению с рукописью. В интересующем нас разрезе — хотя бы в силу того, что именно европейское книгопечатание оказалось наиболее развитым, — наиболее существенным является именно европейский вариант развития. А в этом варианте опыт человечества выработал в соответствии с этими двумя требованиями минускульный тип письма, превосходящий другие типы своей экономичностью (позволяет писать мельче) именно вследствие своей большей четкости; четкость же эта обеспечивается тем, что каждая буква резко отличается от другой (при общей плавности очертаний слова), и глаз быстро схватывает очертания целого слова, внутри которого теперь уже не сливаются сходные круглые или вертикальные элементы, как то неизбежно имело место при малейшем ускорении неминускульных почерков. Прежде считали, что это крупнейшее достижение человечества на поприще письма было завоевано в VIII в. создателями тех почерков, которые в синтезе дали к началу IX в. «каролингский» минускул. Огромная работа французских палеографов на протяжении последних десятилетий⁶ заставляет пересмотреть это привычное представление и убеждает в том, что борьба за четырехлинейность, минускулизацию началась гораздо раньше, еще в римский период, когда цивилизация была гораздо более развитой и предъявляла более широкий спрос на создания письменности. (Таким образом, общие всемирно-исторические масштабы этого процесса становятся еще гораздо более внушительными).

Одним из основных приемов резкого различия букв является применение большого числа элементов, выступающих сверху или снизу за гра-

⁵ Под четкостью следует понимать быстрочитаемость слова и строки, а не геометрическую простоту фигуры буквы. Шрифт, состоящий из простейших по построению и не сходных между собой, т. е. «четко различных» кружков, квадратиков, треугольников, звездочек и т. п., вовсе еще не обладает этим важнейшим свойством быстрочитаемости, подобно тому как мелодия связанного гармонического рисунка усваивается легче, чем серия хотя бы очень отчетливых, но вполне разнородных звуков, созвучий, шумов и т. п.

⁶ J. Mallon, R. Marichal, Ch. Perrat *L'écriture latine de la capitale à la minuscule*. Paris, 1939; J. Mallon. *Paléographie romaine*. Madrid, 1952; Ch. Perrat. *Paléographie romaine* (доклад на X международном конгрессе историков в 1955 г. см.: X Congresso di scienze storiche. Relazioni, vol. I. Roma, 1957). На русском языке см. об этом заметку А. Д. Люблинской «Новая теория развития позднеримского письма» в XI выпуске сборника «Средние века» (М., 1958, стр. 145—151, с 5 таблицами).

ницы самой строки. Двенадцать из двадцати четырех современных букв антиквы — **b, d, f, g, h, i, k, l, p, q, t, y** (а вместе с бытовавшим до конца XVIII в. длинным **ī** — тринадцать) — обладают этими выступающими элементами, сполна обеспечивая строке четырехлинейное восприятие ее глазом; применяемые в ряде языков диакритические знаки (**â, á, â, ä, e, ĩ, õ, ü ç, š, č, ž, à** и т. д.) повышают процент четырехлинейных элементов.

Другим ведущим приемом является, как уже отмечалось выше, нарочитое отклонение очертаний ряда прописных букв от соответствующих строчных (в современном латинском шрифте — в 14 случаях, частично не совпадающих с только что приведенным рядом). Это тоже служит более быстрому различению глазом, т. е. позволяет писать мельче.

Сразу же отметим, что в церковнославянском шрифте (полууставной кириллице славянских изданий XV—XVII вв.) оба этих признака были выражены крайне слабо, в гражданском же шрифте оба они находят полное воплощение. Правда, в некоторых церковнославянских шрифтах, казалось бы, тенденция к прорыву двухлинейности выражена весьма резко и, например, хвосты у **д, з, р, ф, х, ц, ч** нарочито удлинены;⁷ однако выгоды этого в значительной мере парализуются тем, что обилие надстрочных знаков (силы, титлы) вместо разнообразия верхних элементов создает дополнительный ряд однообразных значков над каждым почти словом.

Есть, однако, еще одна сторона дела: медлительность написания и недостаточная четкость (в смысле быстрочитаемости) кириллицы. Они связаны с самим построением букв, восходящим к временам письма каламом или кососрезанным нерасщепленным пером. Крайне мало плавных переходов от одного графического элемента буквы к другому; строка представляет собой (почти как в «текстуре») шеренгу чередующихся широких «черных» вертикалей и тончайших светлых (волосных) наклонных или горизонтальных линий. Достигаемая при этом искусным писцом красота облика страницы заключается как раз в нахождении безошибочного ритма чередований вертикальных «теней» и «светов» при сознательном введении вариантов отдельных букв во избежание однообразия.⁸ Формальный художественный эффект достигался великолепный — но явно за счет четкости (в готических шрифтах в этом же направлении воздействовало органически им свойственное обилие так называемых контракций, отмечаемых надстрочными значками; сравни сказанное только что о титлах в кириллице; обилие же лигатур создавало большой простор писцу для оживления картины строки).

Уже в «каролингском» минускуле, в большей же мере в гуманистической антикве, а особенно в антикве печатной, принцип построения буквы (а тем самым и сложения строки) совершенно иной. Он органически связан с писанием острым, но расщепленным пером и заключается в том, что при значительном преобладании кривых и почти полном исчезновении изломов в очертании буквы переходы от черных частей к светлым совер-

⁷ Среди трех гарнитур полуустава, приведенных в Букваре Ф. Поликарпова 1701 г., доля букв с выступающими элементами составляет соответственно 33, 20 и 27%, а за вычетом тех букв, которые не вошли в гражданский алфавит или не удержались в нем, — еще меньше, тогда как в вышеприведенном сопоставлении букв антиквы она достигает 50—54%.

⁸ С чисто графической точки зрения именно этот характерный для готической текстур принцип ритмического чередования темных вертикалей и просветов нашел себе в славянских рукописях (и первопечатных изданиях) особенно полное воплощение в письме вязи (на что, как кажется, доныне не было обращено достаточного внимания, равно как и на генетическую связь изобретенного Г. Скориною шрифта с «вертикальностью» и узорностью вязи).

шаются плавно и не доводятся до ярко выраженного контраста между ними. Здесь нет нужды пересказывать историю искания и выработки этих черт антиквы, вплоть до завершения этого процесса в диалектическом доведении до крайности именно этой контрастности в шрифтах конца XVIII—начала XIX в., типа Дидо и Бодони (начиная с середины XIX в. эти крайности в обычных шрифтах сильно смягчены). Важно лишь учесть, что в XVII в. антиква достигла не только большого изящества, но и высокой степени четкости, причем именно эльзевировские (и вообще голландские) шрифты занимали в этом отношении особое положение.

Пусть для стилистических исканий украинских типографов определенных десятилетий XVII в. показательны сближения инициалов и прописных букв кириллицы с инициалами и капитальными формами прописных букв греческих шрифтов. Пусть, с другой стороны, наилучшим образом будут объяснены попытки Тессинга и Копиевича «минускулизировать» московскую кириллицу в амстердамских изданиях и на примерах прописных букв демонстрировать кажущееся единство или родственную близость церковнославянского шрифта и антиквы. Какова бы ни была роль этих наборных новшеств (а знаменитое «КОНЕЦЪ» в амстердамском «Кратком собрании Льва миротворца...», 1700 г., несомненно оказывало свое воспитывающее действие на вкусы русских читателей и, быть может, типографов), все же все это приходится считать не более как явлениями, сопутствующими рождению нового, но не причиной или объяснением этого нового.

Не воля преобразователя, стремившегося порвать с традицией, и не какая-то якобы имманентная невозможность печатать светские книжки кириллицей, а просто неизмеримо возросшая потребность в письме и чтении привели к тому, что к началу XVIII столетия почерк полуустава, складывавшийся еще в XIV в., совершенно перестал отвечать своему назначению основного книжного письма, почерки же лишь несколько более поздней по своему возникновению скорописи стали приобретать новые черты, свойственные типично минускульному письму. Большой научной заслугой А. Г. Шницгала⁹ явилось то, что он первый к вопросу о русской шрифтовой реформе начала XVIII в. подошел с позиций палеографии и убедительно показал, что введение гражданского письма отвечало процессам, складывавшимся и протекавшим внутри русской писцовой практики. Недоумение вызывает лишь то, что этот автор, анализируя удельный вес русских и иноземных элементов в шрифтах 1708 и 1710 гг., точно так же как и его многочисленные предшественники, писавшие о возникновении «гражданки», не отметил той стороны дела, которая едва ли не наиболее существенна для палеографа и шрифтоведа.

В гражданском письме Россия получила впервые отчетливо минускульный шрифт с ярко выраженной четырехлинейностью и притом при сознательном использовании именно наиболее совершенного шрифтового образца своего времени.

Установив это основное обстоятельство, мы можем менее пристально разыскивать каллиграфические и граверные прообразы «гражданки», особенно среди инициалов, и не пытаться нащупать некую «протогражданку» («pre-graždanka» у Чельберга) — историческую фикцию. Что касается

⁹ А. Г. Шницгала. Графическая основа русского гражданского шрифта. М., 1947. — Уже после написания настоящей статьи, доложенной в Институте русской литературы АН СССР в марте 1959 г., вышла в свет ценная монография этого же автора «Русский гражданский шрифт. 1708—1958» (Изд. «Искусство», М., 1959), в которой разбираемым здесь вопросам уделено особое внимание на стр. 25—114. Однако отмечаемая нами сторона дела и в этой работе остается почти незатронутой.

форм прописных букв, то лучше всего подтверждается их далеко не ведущая роль в возникновении нового шрифта именно тем, что они как раз более всего оказались неустойчивыми в первом варианте шрифта 1708 г. В одних случаях дальнейшая эволюция пошла по линии дифференцировки, например круглое прописное **б** аналогичное по построению строчному, было заменено на прямоугольное наше «**Б**», более близкое к кириллической основе, чем строчное (подобный процесс отмечается и у прописных **З, У, Ф**, последнее принимает отчетливо греческую форму). Но в других случаях начертание новых русских прописных букв — если они не полностью совпадали с западной практикой, как **Аа, Ее, Оо, Рр, Сс, Хх**, — шло по пути создания форм идентичных для прописной и строчной. При этом в отдельных случаях даже исчезала дифференцировка построения прописной и строчной, свойственная антикве: **Вв, Мм, Нн, Тт**; исчезала она в случаях букв, заведомо созданных не по типу антиквы, а по типу кириллицы и ее греческого прообраза: **Гг, Лл**. Во всех этих последних шести случаях можно утверждать, что создатели гражданского шрифта поступились своеобразием строчной буквы, подчинив ее построению прописной, а не наоборот. Но это получилось ценой проигрыша в четырехлинейности для случаев **g, j, l, t**, а также для **k** (а для того времени и **l**).¹⁰ В целом из 36 букв гражданского шрифта выступающими за строку элементами обладают 11 — число меньшее, чем в антикве, но вполне достаточное для того, чтобы придать четырехлинейный характер шрифту в целом. Массированное же сохранение в русском шрифте форм, отличных от антиквы и совпадающих с греческими очертаниями или приближающихся к ним, всецело объясняется не каким-либо предпочтением греческих образцов XVII в., но просто тем фактом, что в самой основе соответствующих букв — в кириллице — уже исконно, очевидно с IX в., лежали греческие (минускульные) образцы, или же буквы, созданные для звуков славянского языка, незнакомых греческому алфавиту, строились исконно по аналогии с ними. Характерно, что ни одна из них не получила и впоследствии дифференцировки в начертании строчной и прописной, как не получило ее и чистое новообразование (графическое и фонетическое) — буква **Ээ**.

Приведенные здесь наблюдения имели единственной целью показать, что стилистическое освоение в XVII—начале XVIII в. ряда греческих инициалов русскими печатниками не могло играть существенной роли в самом процессе перестройки русского письма, приведшей к реформе шрифта, и что одной из существеннейших сторон введения гражданского шрифта являлось то, что Россия перешла к письму наиболее рационального, а именно минускульного, типа, причем это достигалось не только на путях графического моделирования самой конфигурации букв (или их пропорций), но и на путях подбора сочетаний неоднородных по начертанию прописных и строчных.

¹⁰ Прогресс на **п** против латинского **p** перекрывается выигрышем в русском **p** против латинского **g**; чистым выигрышем зато являются русское выступающее под строку **у** против латинского **u**, а также те русские буквы, которые не имеют аналогов в антикве: **ц, щ, ъ, й**.